

ПАВЕЛ СУРКОВ

**ПРОИСШЕСТВИЯ
В ТОКИО**

ДРАМАТУРГИЯ

Павел Сурков
Происшествия в
Токио. Драматургия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38838556

ISBN 9785449360571

Аннотация

«Происшествия в Токио» – второй сборник драматургии Павла Суркова, в который вошли совсем новые пьесы – «Машкины блюда», «Кибериада-XXI» и «Токио Jihen (происшествия в Токио)». Автор искренне надеется на их скорейшее сценическое воплощение.

Содержание

МАШКИНЫ БЛЮДЦА	5
Действующие лица	5
КАРТИНА ПЕРВАЯ	6
КАРТИНА ВТОРАЯ	14
КАРТИНА ТРЕТЬЯ	19
КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ	25
КАРТИНА ПЯТАЯ	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Происшествия в Токио

Драматургия

Павел Сурков

© Павел Сурков, 2018

ISBN 978-5-4493-6057-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МАШКИНЫ БЛЮДЦА

Сценическая возможность для воскрешения

Действующие лица

Николай Александрович Романов, отрекшийся государь
Николай II

Мария Николаевна, его дочь, она же – **Медсестра**

Анастасия Николаевна, ее младшая сестра

Евгений Сергеевич **Боткин**, лейб-медик, он же – **Врач**

Яков Михайлович **Юровский**, комиссар

Григорий **Никулин**, его помощник

Павел **Медведев**, начальник охраны

Григорий **Распутин**, из крестьян, являемый
посредством видений

Гаврила, работник сцены, суфлер, кочегар, истопник
и все такое прочее

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Кремлевская больница, обычная врачебная суета, Врач суетится туда-сюда по сцене, перебирая какие-то бумаги, когда входит Медсестра

Врач. И где, осмелюсь спросить, вас носило?

Медсестра. Евгений Сергеевич, так в ординаторской...

Новые больные, заполнить карты...

Врач. Заполнить карты... Тоже мне, развели бюрократию! У нас, Машенька, с вами и так забот полон рот, а тут еще эти бесконечные бумажки.... Нет, надобность их никто не оспаривает, как говорится, нужно же знать, что показать патологоанатому, хе-хе-хе... Медицинский юмор, привыкайте Машенька!

Медсестра. Я привыкаю.

Врач. Очень, очень хорошо. Я, знаете, Машенька, сам долгое время привыкнуть не мог, ко всем этим шуточкам-прибауточкам, но потом, знаете ли, сроднился, а там уже – и как-то сам втянулся, стал рассказывать те же анекдоты, да еще и новые придумывать, да-с... Кто-то говорит – очерствел душой. Я же полагаю – что наработал профессионализм. Ну-с, так что у нас там с кем?

Медсестра. Больной из четырнадцатой...

Врач. Что с ним?

Медсестра. Кричит. Очень мучается.

Врач. Что естественно в его положении... Морфины давали?

Медсестра. Каждый час колем. Все равно – кричит. Страшно кричит.

Врач. Не жилец.

Медсестра. То есть как – «не жилец»? Евгений Сергеевич, как вы можете такое говорить?

Врач. Могу, милая моя, еще как могу. Мы, врачи, должны понимать всю жестокосердность происходящего, видеть реальность во всей ее неприкрытой красе и во всем ее объективном ужасе. Диалектика, черт бы ее побрал...

Медсестра. Евгений Сергеевич, какая диалектика?! Он же так... кричит...

Врач. Такова жизнь и такова смерть. Человек приходит в этот мир с криком и зачастую уходит из него с еще более громкими воплями...

Медсестра. И мы ничего не можем поделать?

Врач. Можем. Давать ему морфий. Регулярно. Пока не кончится.

Медсестра. Что кончится – морфий?

Врач. Пока он не кончится. По моим расчетам ему осталось часа два, не более.

Медсестра. И вы... так... говорите....

Врач. А как я должен говорить? «Ах, Машенька, что нам делать?» – и картинно заламывать руки? Милая, я прекрасно

знаю, что нам надо делать – спасти тех, кого можно спасти, и постараться уменьшить страдания тех, кого спасти нельзя. На буржуазном западе даже придумали гуманное умерщвление смертельно больных – вкалывают человеку чуть большую долю того же морфия, и все... Это называется «эвтаназия», «легкая смерть» – гуманнейшее изобретение, доложу я вам! Но наше марксистское сознание и социалистический гуманизм, конечно, отрицает столь чуждые штуки, наше рабоче-крестьянское воспитание направлено на борьбу с трудностями. Что для нас смерть? Так, мелкое препятствие в жизни отдельного человека и сущий пшик для всего коммунистического общества... Машенька, послушайте старого человека – отбросьте сострадание, мы, врачи, должны действовать. Дайте вашему бедняге из четырнадцатой двойную дозу, чего уж тут... Если Галочка спросит – скажете, что я разрешил... Он заснет... Может быть... По крайней мере, облегчение я ему гарантирую... А что до вас... Поезжайте-как вы спать, завтра с утра вы будете нужны мне молодой и свежей... Вот так... Еще успеете на трамвай. (*суетливо перебирает бумаги и уходит*)

Медсестра. Двойная... двойная доза, чтобы облегчить... Облегчить...

Из глубины сцены раздается стон – это стон умирающего зверя, страшный не то рык, не то вой. Стон повторяется несколько раз – и в глубине сцены зажигается свет: мы видим больничную койку,

на которой, разметавшись среди простыней и подушек лежит тяжело больной – нет, фактически умирающий человек. Это – Яков Юровский.

Юровский. Да помогите же... Помогите мне... Кто-нибудь... Сестра... Сестра...

Медсестра (*подбегает к нему*). Я здесь, здесь, тише, тише, сейчас... (*кладет ему полотенце на лоб, набирает в шприц морфин, делает укол*) Вот так... Сейчас все пройдет, сейчас...

Юровский. Вы думаете? Вы всегда так говорите... Все всегда так говорят, делают укол, а потом...

Медсестра. Чщ-щ-щ... Тише... Не дергайтесь, лежите, сейчас станет легче... (*гладит его по голове, Юровский неожиданно успокаивается и затихает*) Видите?... Чувствуете?...

Юровский (*тихо*). Да... Легче... Вы тут давно? Мне кажется, я не видел вас здесь раньше...

Медсестра. Второй день. Я после курсов только.

Юровский. Курсы... Милая девочка... Как вас зовут, милая девочка?

Медсестра. Мария. Маша.

Юровский. Маша... Маша?! Маша... (*начинает снова метаться, медсестра удерживает его – вдруг резко застывает*) Глаза... Какие у вас глаза... Синие...

Медсестра (*с улыбкой*). Ага. Я как родилась – глаза на пол-лица были. Папа очень веселился – все дразнил меня,

называл – «машкины блюда».

Юровский. Что?! Как вы сказали?!

Медсестра. «Машкины блюда».

Юровский. Так их называл – кто?! Ваш отец?!

Медсестра. Да. Лежите смирно, щц-щц-щ...

Юровский. А кем он был, ваш отец?

Медсестра. Да я и не видела его почти... Он погиб в Гражданскую, где-то на Урале...

Юровский. На Урале?!

Медсестра. Где-то там... Не знаю даже место... Я была совсем маленькой, а он... Он... Помню, как он целовал меня, щекотал усами и бородой, у него была такая небольшая борода, я потом видела на фото...

Юровский. Борода, да, борода... А как звали вашего отца? Случайно, не Николаем?

Медсестра. Откуда вы знаете?

Юровский. Я?! Я?! Я-а-а-а-а!!!! (кричит, бьется – Медсестра в ужасе отпрянула, – но вдруг застывает) Вы знаете, Мария, кто я такой?

(Медсестра растерянно качает головой в отрицании, затем начинает перебирать историю болезни)

Юровский. Не трудитесь. Меня зовут Яков Юровский, и я...

Медсестра. Тут написано. Вы – директор Политехнического музея.

Юровский. Это сейчас. А когда-то раньше я... Мария, однажды я убил нескольких людей. Несчастливых людей, запутавшихся людей – и невинных людей. Нет, я, конечно, убивал не только невинных, я убил даже одного страшного злодея, ужасного человека... Вы хотите знать, кого я убил?

Медсестра. Да что вы такое говорите? Это у вас бред...

Юровский. Никакой это не бред. Мария, так скажите мне – вы хотите знать, кого я убил?

(Медсестра заворуженно смотрит на него – между Юровским, глядящим на нее безумным взглядом, и ею самой возникает напряженное пространство долгой-долгой паузы)

Юровский (*четко, громко, ясно, без тени боли в голосе*). Мария, я убил человека, которого звали так же, как и вашего отца. Я убил последнего русского царя. Я убил Николая Александровича Романова, Николая Кровавого, Николая Второго.

Медсестра (*всплеснула руками*). Ах!

(Ее фигуру резко перестают подсвечивать – на секунду мы видим Юровского одного на сцене, но это длится лишь секунду – потому что немедленно из боковой кулисы появляется Гаврила. На нем – докторский халат, наброшенный поверх старой одежды – какая-то нелепая кофта, грязные штаны и стоптанные сапоги)

Гаврила. Подумаешь, убил и убил. Эх, касатик, коли бы

я тебе рассказал, кого я поубивал – что в гражданскую, что в империалистическую, – ты бы не поверил. Подумаешь, царя убил! Эка невидаль. Я, может, тоже, и царей убивал, и министров ихних, но молчу, не кичусь. Царя он убил, нашел, чем хвастать.

Юровский. И в мыслях у меня не было хвастать.

Гаврила. Ну а чем ты тут тогда занимаешься? Хвастаешь-хвастаешь, точно тебе говорю (*садится на кровать Юровского, достает папиросы*) Курить хочешь?

Юровский. Тут нельзя.

Гаврила. Тут, мил человек, теперь все можно, тем более – тебе. Вот я тебя и спрашиваю, хочешь курить или нет?

Юровский. Хочу.

Гаврила. Ну, закуривай. (*протягивает ему пачку папирос, Юровский закуривает*) Чудные папиросы, еще с тех времен. Царские. (*Юровский закашлялся*) Да не дергайся ты! Английские папиросы, царь такие покуривал – ага, тот самый царь, которого ты, как там у вас говорят? – пустил в расход...

Юровский. Но я выполнял приказ...

Гаврила. Ну, так все говорят – что, мол, я не я, лошадь не моя, всего лишь выполнял приказ, это они душегубы, а я ангел без крыльев...

Юровский. Но я казнил государственного преступника....

Гаврила. Престу-у-упника... Преступника он казнил...

Ну-ну... А вот потом, может, и тебя кто преступником объявит – так что, тебя тоже казнить?

Юровский. Но меня-то за что?

Гаврила. Ну, так я и сказал тебе! Не знаю за что, но ты, касатик, поверь – завсегда найдется, за что! Такое уж у нас, дорогой ты мой, время.

Юровский. Но...

Гаврила. Ну что ты все «но» да «но»... Что я тебе – лошадь? Ты мне лучше, касатик, душу облегчи. Душу-то облегчить завсегда верней. Убил царя – так не кичись, а расскажи, как дело было. Может, и ты прав, а я не знаю чего, а, может, и еще кто виноватым найдется...

Юровский. Какое сегодня число?

Гаврила. Второе. Второе августа.

Юровский. Тогда тоже было второе, но не августа... Меня назначили возглавить отряд бойцов, которые охраняли царя и его семью в Екатеринбурге... Через два дня я приехал туда, в тот дом... Там было беспокойно – у мальчика, Алексея, наследника, никак не затягивалась рана на ноге, и я сразу предложил наложить гипс....

(Затемнение, играет музыка)

КАРТИНА ВТОРАЯ

Из левой кулисы выходит Николай – он одет по-простому, в военную офицерскую форму без погон. Из правой кулисы выходит Юровский, на нем штатская одежда, он выглядит значительно моложе и куда бодрей.

Юровский. Наложите мальчику гипс. Он не будет дергать ногой – это успокоит рану, и уже через пару дней она затянется. Да и бегать вашему сыну с гипсом будет затруднительно, вот вам дополнительная гарантия, что ребенок себя не покалечит даже случайно.

Николай. Удивительно дельный совет. Вы врач?

Юровский. В некотором роде. Приходилось пройти через всякое, бывало – служил и врачом тоже. А сейчас – переведен сюда надзирать за бойцами, осуществляющими вашу охрану, Николай Александрович. *(протягивает Николаю руку)* Меня зовут Яков Михайлович, фамилия моя – Юровский. Надеюсь, мы сможем... договориться.

Николай *(пожимает руку в ответ)*. Был бы рад этому.

Юровский. Есть ли жалобы на условия содержания?

Николай. В нашем положении жаловаться как-то не пришло... Но есть ощущение, что у нас возникают некоторые перебои с едой... Паек уменьшается неуклонно, и это наводит на разные мысли.

Юровский. Понимаю. Подворовывают – я уже распорядился. В провизии недостатка больше не будет. Что-нибудь еще?

Николай. Пожалуй, что и нет. Благодарю.

Юровский. Не стоит благодарности, Николай Александрович. В этом наш долг, и мы неукоснительно его соблюдаем.

(Николай вежливо кивает и выходит. Слышится шум, входят весело болтающие Никулин и Медведев. Кажется, они немного навеселе – и потому не замечают Юровского)

Медведев. Я тебе говорю – огонь девки. Старшая понадежней, вторая же глазками все зырк да зырк. Младшие-то две так, девчонки совсем, а эти две – ого-го, какие бабоньки...

Никулин. Тебе бы, Пашка, все про баб да про баб... Не наше это дело, они же царевны...

Медведев. Да какие они царевны! Кончились те времена, когда они были царевнами. Таперича они, значит, гражданки нового мира, царей никаких нет, а вся власть принадлежит народу. Сами себе хозяева – что мне, на девок нельзя смотреть, раз я сам себе хозяин?

Никулин. Вот дурной ты человек, Пашка! Ну, сам посуды – об чем ты с ней разговаривать-то будешь?

Медведев. Да об чем с нею, с бабой, разговаривать? Пошто с бабой разговаривать? Что я, не понимаю, что с ней,

с бабой, надо делать?

Никулин. Ты ее хоть по имени-то знаешь?

Медведев. Обижает! Всех выучил, еще с прежних времен. Старшая, значит, Ольга, а моя, стало быть – Татьяна. Танька то бишь. Танюха!

Никулин. Уже твоя, стало быть?

Медведев. Ну а зачем дело стало? Я парень видный, уже в начальники охраны, сам видишь, выбился, непьющий, опять же...

Никулин. Вижу я, какой ты непьющий. Четверть выкушал – а все непьющий!

Медведев. Так не в одном глазу же!

Никулин. А смердит почище любого кабацкого забулдыги...

Юровский (*громко*). Так-так... Значит, четверть?

Медведев (*испуганно*). Товарищ комиссар, это ж я не про сегодня... Это – в отгул, на выходных было, как Бог свят говорю! Ну вот чтоб мне пусто было!

Юровский. Ты мне тут еще сто раз забожись – все ж вижу по морде твоей. Попался – умей признаться.

Медведев. Ага, попался, признаться... Что ж мы, сами не понимаем? Да и не имел я в виду ничего такого...

Юровский. Ты хоть понимаешь, кого стережешь?

Медведев. Вестимо, кого. Царя бывшего с семьей егонной.

Юровский. А ты соображаешь, дубина, насколько это де-

ло серьезное?

Медведев. Нечто не понимаю! Понимаю, конечно. Чай, не простой фармазонщик, а царь, пусть и бывший.

Юровский. Это, Паша, дело уже всячески политическое. У царя – пусть и бывшего – за границей друзья имеются. Революция, она, Паша, не на всей земле победила. Есть еще страны – и много их – где правят такие же цари, как наш, а то и похлеще. И норовят они, Паша, власть рабоче-крестьянскую прекратить. Опять же, колчаковцы шастают на Востоке... Обстановка, Паша, у нас политически сложная. Тут бдительность надо блюсти ни на минуту не ослабевая.

Никулин. Складно вы, Яков Михайлович, говорите, я аж заслушался. Прямо как товарищ Троцкий!

Юровский. А ты слыхивал, что ли, Троцкого-то?

Никулин. Случалось однажды, в Петрограде, проездом. Вот так же говорил, как вы – вроде, все по делу, вроде, все слова понятные, человеческие, а вместе выходит, что как будто профессор какой говорит. Ажно уважаешь сразу. И понятно все, главное: колчаковцы там, победа мировой революции... И сразу, знаете ли, действовать хочется. Вдохновляет, одним словом.

Юровский. И на что же ты вдохновился. Гриша?

Никулин. Да на что тут вдохновиться-то? Долг свой исполнять.

Юровский (*тихо, вкрадчиво*) А долг-то твой, Гриша, в чем? А то я что-то подзабыл. Может, напомним?

Никулин. Знамо, в чем. Царя стеречь.

Юровский (*орет*). Так вот и стереги, мать твою за ногу!

И чтобы пьянку не разводили – под трибунал отдам и лично шлепну! И кто сопрет хоть крупинку из царского пайка – шлепну тоже! Ишь, развели тут, воровство на воровстве, все пьяные, главного узника революции чуть не прохлопали! По местам – бегом марш!

(Никулин и Медведев убегают, Юровский одергивает одежду и тоже выходит)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Девочки – Мария и Анастасия – играют во дворе. Рядом, за поленницей дров, за ними осторожно приглядывает Гаврила.

Анастасия. Я же говорю тебе – пистолеты у них настоящие, как у солдат. Но вот только солдаты у папа всегда были настороже, а эти пьяные все время.

Мария. Если бы солдаты папа всегда были настороже – ничего бы не было. И мы бы играли с тобой в царском селе, или катались с горок у Китайского павильона...

Анастасия. А все равно, я знаю, солдаты подойдут и нас освободят!

Мария. Откуда ты это знаешь?

Анастасия. А вот не скажу! Знаю, и все тут!

Мария. Ничего-то ты не знаешь! Ты все выдумала!

Анастасия. А вот и не выдумала! А вот и знаю! Про это только три человека знают – папа, мама и я, да и то – папа и мама не знают, что я знаю, вот!

Мария. Ты что, подслушала что-то?

Анастасия. Почему это сразу – подслушала? Узнала!

Мария. И как же ты узнала, если не подслушала?

Анастасия. А вот так и узнала! Папа говорил с мама – а я просто была в соседней комнате.

Мария. Понятно. Подслушала.

Анастасия. Да хоть бы и подслушала! (*обиженно*) Ничего не буду рассказывать.

Мария. Ну вот что ты за человек, в самом деле! (*обнимает сестру*) Ну, давай, говори!

Анастасия. Папа получил письмо. И не одно, судя по всему – он так *мама* и сказал: «Это снова от того же человека».

Мария. И что за письмо?

Анастасия. Кто-то хочет нас спасти – вернее, хочет спасти папа, а значит – и всех нас. В этом письме, которое папа прочел *мама*, так и сказано: «Будьте наготове, помощь близка, верные вам люди делают все для вашего спасения».

Мария. А с чего ты взяла, что это – именно солдаты?

Анастасия. А кто же? *Мама* даже сказала папа, что пока идут бои, шансы на спасение остаются – но при этом она еще сказала, что письмо это похоже на провокацию...

Мария. На провокацию? На какую провокацию?

Анастасия. Тут папа и *мама* по-разному думают, как я поняла. Папа считает, что поблизости есть верные офицеры, которые пытаются нас спасти. А *мама* считает, что наши тюремщики только и ждут того, чтобы папа или кто-то из семейных приближенных совершил какую-нибудь оплошность. Одним словом, *мама* не верит, что это письмо написано нашими друзьями...

Мария. А ты кому веришь?

Анастасия (*задумчиво*). Конечно, мне бы хотелось ве-

рить папа, верить в то, что кто-то готов нам помочь и... (затихает)

Мария. И все равно не веришь?

Анастасия (качает головой). Не верю.

Мария. И я не верю. И тем страшнее думать, что с нами будет.

Анастасия. А что с нами будет?

Мария. Я вообще не понимаю этих людей. Они странные, вот – назначили нового коменданта, тот вроде бы папа понравился, папа сказал, что прекратилось воровство...

Анастасия. Да, даже яйца стали давать, и Алексею он помог с гипсом...

Мария. Но теперь папа говорит, что он ему нравится всем менее и менее... Сестрица, меня переполняют странные, очень странные чувства, милая сестрица... Вроде бы наша судьба ясна – мы изгнанники, и Господь ведаёт, сколько нас будут держать под присмотром, но весь ужас в том, что наше будущее скрыто таким туманом, что и думать о нём страшно...

Гаврила. Ну, вот и не думай.

Мария. Ой, кто это?

Гаврила. Кто-кто... Я это, Мария Николаевна, Гаврилой меня зовут...

Анастасия. Что-то я раньше вас тут не видела.

Гаврила. Может, Анастасия Николаевна, это все от того, что меня тут попросту не было?

Анастасия. А, вы тоже из новых?

Гаврила. Да это ведь как поглядеть – из новых ли али из старых... С одной стороны – из новых, конечно, да. А с другой – старше меня вряд ли кого найдете...

Анастасия. Вы, значит, тоже нас охраняете?

Гаврила. Это уж завсегда, это неизменно. Охраняю, да. И вас, и не вас.

Анастасия. И родителей? И сестер? И Алексея?

Гаврила. Да всех, всех охраняю, милочка.

Анастасия. Плохо охраняете.

Гаврила. Это отчего же?

Анастасия. Да воруют ваши охранники-то! Вон, при прежнем коменданте все воровали!

Гаврила. Ну, так то – при прежнем. Вон, новый пришел.

Мария. Ну а новый-то чем лучше прежнего?

Гаврила. Это вы верно подметили, Мария Николаевна, в самую точку, так сказать. Что новый, что старый, что прежний, что нынешний – разница невелика, если в суть людскую не смотреть...

Мария. Прежнему никуда смотреть не надо было – достаточно понюхать его и все. Нынешний хотя бы не пьет и другим запрещает.

Гаврила. Думаете, в этом все дело? Человек хороший, раз не пьет?

Мария. Если бы только так и можно было отличить плохих людей от хороших...

Гаврила. Верно. Все верно. Не отличить. Так – не отличить. Есть для этого совсем иное средство. О другим поступкам будут судить, да уже, наверное, не мы.

Анастасия. А кто?

Гаврила. Кто-то другой, кто будет после нас... После вас...

Анастасия. Как это – после нас? Это когда мы умрем? Когда нас не будет?

Гаврила (*пожимает плечами*). Может, и так...

Анастасия. И когда это случится?

Гаврила (*пристально смотрит на нее*). А вам так хочется это знать, Анастасия Николаевна? Вам действительно хочется знать свою судьбу, свой день и час?

Анастасия. Но я и так знаю, что он еще не скоро наступит!

Гаврила. Это откуда же такая уверенность?

Анастасия. Мне всего семнадцать!

Мария (*Гавриле*). А что это вы с нами решили про судьбу поговорить?

Гаврила. Я-то? Да так, просто... Ох, девоньки, порой заболтаешься и такую чушь начинаешь городить – вы уж простите старика.

Анастасия. Да мы и не обижаемся.

Гаврила. Ну вот и хорошо, вот и славно, вот и ладушки... А теперь – бегите, бегите, скоро обед... А я пока вот тут, вот туточки посижу...

Анастасия. До свиданья (*делает легкий книксен и убегает*).

Мария. До свиданья (*тоже приседает и идет вслед за Анастасией*).

Гаврила. Мария...

Мария (*обернувшись*). Что такое?

Гаврила (*его голос меняется, от старческого дребезжания не осталось и следа*). А если бы я взаправду сказал, что могу увидеть вашу судьбу – поверили бы? Захотели бы узнать?

Мария. Поверила бы? Да я и так вам верю. Чего только не бывает на свете, какие только чудеса Господь не сотворит. А знать? Нет, пожалуй, что не хочу.

Гаврила. Это правильно. Тем более, что испытания вам предстоят суровые. Не могу не сказать – должен: просто знайте, что за всякой болью и страхом всегда есть свет и надежда. Вот то, что вы должны знать, Мария Николаевна, верьте этому и помните мои слова.

Мария. Я запомню.

Гаврила. Хорошо (*улыбается, кивает*).

(*Затемнение*)

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

(входят Николай и Боткин, они ведут спокойную, очень рассудительную беседу)

Боткин. Я согласен с вами, государь, на первый взгляд этот новый комендант производит впечатление порядочного человека. Во всяком случае, куда более порядочного, чем этот пьяница Авдеев, его предшественник...

Николай. Евгений Сергеевич, я же просил вас не употреблять титула, который мне уже не принадлежит. Государя больше нет, перед вами – Николай Романов... В целом, даже и не знаю, кто такой... Помните перепись? Там, в опросном листе, был один пункт – я его запомнил: «Главный промысел, занятие, ремесло, должность или служба». Знаете, что я написал в этом пункте?

Боткин. Нет, госу... Николай Александрович.

Николай *(одобрительно)*. Вот, так-то звучит и лучше, и честнее... так вот, Евгений Сергеевич, написал я в этом пункте, ничтоже сумняшеся, «хозяин земли русской». Да-да, прямо так и написал. А сейчас – оглядываюсь в те дни и понимаю, насколько я был юн, прост и наивен. Хозяин земли русской... Мне досталась земля, которую я не смог сберечь! И что мы получили? Тесные комнаты в полтора окна, тяжкий крест, который должен влачить я, как государь, что не спра-

вился, что не сдюжил, а влачит его вместо этого моя семья... Евгений Сергеевич, вы думаете, что я чего-то боюсь?

Боткин. И в мыслях такого не держал, Николай Александрович!

Николай. Нет, я ничего не боюсь, вообще ничего – ни смерти, ни позора, ни бедности... Приму любую судьбу – я ее заслужил, я достоин ее, но при чем тут они? Аликс, дети, они же никому ничего плохого не сделали, а принимают все эти муки наравне со мной – и сделать с этим я равным счетом не могу ничего...

Боткин. Они – ваши дети, госуд... Николай Александрович. Они достойны своего отца, и я просто поражен, сколько сил в этих юных людях, с каким достоинством они переносят все тяготы...

Николай. Да-да, конечно... Вот только от понимания этого никому не становится легче. А самое страшное во всей этой ситуации – это осознание безысходности и обреченности. Понимаете, Евгений Сергеевич, когда Рузский тогда пришел ко мне за текстом отречения – я даже некоторым образом успокоился, вздохнул свободно, словно гора с плеч свалилась. Мишель ведь с самого рождения был куда более годен для престола, нежели я – и отец его больше любил, и играл с ним не переставая... Но все остальное... Для всего остального, с первого взгляда, был создан я – наследник цесаревич, старший сын. Сын, которого его собственный отец не желал видеть наследником.

Боткин. Но никто не отменял права престолонаследия. Увы, есть вещи, которые намного выше нас, больше нас, главнее нас... И наш долг – принять это со смирением.

Николай. Легко говорить про смирение – так как легко это смирение понять. И есть еще искуc – есть то, что посыла-ется нам для испытания нашей крепости, наших сил. Я, при-знаюсь вам, Евгений Сергеевич, очень долго надеялся, что народ – те люди, для которых я жил, ради которых каждое утро просыпался и чьими судьбами жил – я не верил, что эти люди могут отречься от своего государя.

Боткин. Но, простите меня, Николай Александрович, от государя можно очень легко отречься – если знать, что до этого государь отрекся от тебя.

Николай. Но я не отрекался от людей. Я отрекался от собственной власти – а сделал я это именно ради них, ра-ди страны...

Боткин. И вы ждали, что люди оценят это?

Николай. Я должен сказать «нет», хотя бы из благород-ства или самоотверженности – но, увы, я вынужден сказать «да». Да, я ждал, где-то в глубине души я даже верил в то, что люди не оставят меня. И даже эта провокация...

Боткин. Какая именно провокация?

Николай. Я же рассказывал вам... Письма. Нам подбра-сывали письма – от какого-то верного офицера. От какого-то человека, который, якобы, мог помочь мне сбежать. Крупн-цы надежды, ложность которых была мне ясна.

Боткин. Как же вы это поняли?

Николай. Чрезвычайно просто. Эти письма были написаны якобы верным мне офицером. Но в этих письмах аноним называл Алексея «царевичем». Вы же понимаете, что офицер, дворянин, никогда бы так не сказал... Он бы сказал – «цесаревич»....

Боткин. То есть...

Николай. Да, кто-то из наших тюремщиков или того хуже – стоящих над ними, решил устроить нам эту отвратительную, хотя и тонко организованную провокацию. Чудовищную... Чудовищную потому – что она давала нам надежду. Крупицу надежды. Надежды на освобождение от пленения. Я понимал, что мне суждено изгнание – мне и всей моей семье. И я... Был ли я к этому готов? Не знаю... к изгнанию, к эмиграции, к тому, чтобы оставить Россию – да. Но вот к этому...

(свет гаснет на Боткине, Николай остается один, слышится грубый мужской голос)

Голос. А я же предупреждал тебя, папенька.

(Николай резко оборачивается на голос – свет вычерчивает массивную фигуру Распутина)

Николай. Ты ли это, друг мой?

Распутин. Я, папенька.

Николай. Но ведь... Я же сам видел тебя мертвым, ты же был убит, тогда, в Петербурге...

Распутин. Да что нам смерть! Ты же сам не раз говорил, что в Бога веруешь?

Николай. Верую.

Распутин. Ну и вот – раз веруешь, значит, знаешь, что нет никакой смерти, а есть жизнь вечная, что нам Боженькой дана. Он добрый, Боженька, вона, в меня из пистоля палили-палили, больно было – страсть! – а он смилостивился и упокоил. Таперича не болит ничего, а что грудину продырявили, да нос набок свернули – мне-то оно сейчас вообще ни жарко, ни холодно – чай, не под венец. Так что ежели веруешь в Боженьку – то в смерть верить не нужно. Нету ее, смерти-то.

Николай. Верю... Но слаба моя вера, видимо... Потому как – страшно мне.

Распутин. А всем страшно. Умирать – завсегда страшно.

Николай. Умирать?

Распутин. Ну а сам-то как думаешь? Для чего тебя держат тут, за семью замками? Правильно, чтобы напугать. Чтобы за страхом своим не упомянул ты ничего, потерял бы разум. И бороться с этим – есть лишь один верный способ.

Николай. Какой же?

Распутин. Одно помнить: не властен никто над тобой на земле. Никто не может тебя запугать да уничтожить. Что они сделают с тобою? Убьют? Да подумаешь – душа-то она вечно живая, ей только в радость скорлупу брентную стряхнуть, да и помчится, аки птичка. Встряхнется – и полетит,

душа живая-то.

Николай. Понимаю. Все понимаю. И верю, но...

Распутин. Веришь да не веруешь. Бывает. Так сила веры-то и проверяется.

Николай. Скажи тогда, зачем мне все эти проверки? Разве надо меня еще раз за разом проверять?

Распутин. Ну а как же? Господь – он такой. Он нас ежеминутно, да что там – он нас секундочку каждую испытывает. На то Он и Господь.

Николай. А если я не выдержу испытание?

Распутин. Так не всякий и выдерживает.

Николай. И что бывает с тем, кто не выдерживает?

Распутин. Да со всеми по-разному. Вот я, например, не выдержал – и вынужден тебя сторожить, приглядывать за тобой, да сделать что-либо – увы! – не могу.

Николай. Почему?

Распутин. Недозволительно. Только смотреть могу – ты, папенька, как за стеклом, все вижу, все беды, что на тебя ниспадают, да ничего поделать не в силах. Как из-за стекла: кричу до хрипоты, мол, погляди же, охлонись – вон оно, за твоей спиной, а ты не видишь, не слышишь, своей дорогой идешь, а опасность, беда, вот она, рядом! А ты ее не замечаешь – тебе крах необратим, а мне мучение на тебя глядеть.... Вот наказание мое какое... Нестрашным кажется? А у меня сердце на части рвется – и так болит, а тут вообще словно острым ножом его кромсают... Понимаешь, папенька?

Николай. Понимаю, друг мой.

Распутин. Сердцем слушай... До сердца твоего я постараюсь достучаться, туда позволительно говорить мне, туда, не в уши, но к сердцу твоему напрямиком... И если услышишь – глядишь, и спасешься... А не услышишь – сгинешь насовсем.

Николай. Сгину?

Распутин. И не один. Всех, всех за собой потянешь. Всю семью уведешь за собой. Всех.

Николай. Всех?

Распутин (*кивает*). Всех...

Николай. И как же мне все это остановить? Как спасти – не себя, нет, их всех! Всех...

Распутин. Всех не спасешь... Да ты и не сможешь уже никого спасти... Даже себя... Даже... (*медленно отходит в глубь сцены и исчезает*)

Николай. Но... Но... Но почему?...

Голос Распутина. Потому что уже все кончено.

Николай в ужасе застывает на сцене, из левой кулисы медленно выходит Гаврила.

Гаврила. Ишь, раскудахтался, бродит тут, людей смущает...

Николай. Простите?...

Гаврила. Да я говорю, бродит тут, людей смущает, дурак такой.

Николай. Простите, вы это о ком?

Гаврила. Да о нем, о Гришке, с которым ты сейчас разговаривал.

Николай. То есть... Вы тоже – слышали?

Гаврила. Да как не слышать. На весь двор, чай, голосили, попробуй тут не услышать. Гришка – он такой, и при жизни был шумный, а после смерти так совсем уж... расшумелся. Но ты, братец, не думай – не все, что он говорит, разумно. И уж точно не все, что он говорит, – истина...

Николай. А что же тогда такое – истина? Скажи мне...

Гаврила. Истина? Да вот, например, то, что сейчас начинается дождь. Пойдем-ка, братец, в дом. А то... Хватит тебе еще сырости...

Николай. То есть?

Гаврила. Ну, сырости в жизни нашей полно. Из сырой утробы вышли – в сырую землю легли. Каждому – один путь, тут ничего не переменится.

Николай. «Нагим ушел я в этот мир – нагим и уйду из него»? Так, выходит?

Гаврила. Тут по-разному бывает. Вона, в стране египетской, я читал, цари тамошние, фараоны, за собой на тот свет чего только не тащили – от золота до кораблей цельных. Не гробницы себе строили, а дворцы целые – пирамидами называются. Слышал?

Николай. Слыхивал. Видывал даже.

Гаврила. Ну, вот. Раз видывал – то понимаешь, что да к чему. Думали они, фараоны енти, что после смерти со всем

ЗОЛОТИШКОМ ПРЯМИКОМ НА ТОТ СВЕТОТ ОТПРАВЯТСЯ, АН НЕГ. ТАК
И ПОШЛИ, В ЧЕМ БЫЛИ. БЕЗ ЗЛАТА-СЕРЕБРА. ДАВАЙ-КА В ДОМ, А ТО
НАМОКНЕМ ЕЩЕ, ПРОСТЫНЕМ... НЕ НАДО НАМ БОЛЕТЬ, ОХ, НЕ НА-
ДО...

*(Оба уходят, Гаврила слегка панибратски обнимает
Николая – тот совершенно не сопротивляется)*

КАРТИНА ПЯТАЯ

(Мария проходит вдоль сцены, вдруг ее резко останавливает вышедший из кулисы Юровский)

Юровский. Мария Николаевна, я попрошу вас задержаться.

Мария. Да, я к вашим услугам.

Юровский. Вам не кажется, что в последнее время ваш отец стал как-то нехотя общаться со мной?

Мария. У вас сложилось такое впечатление?

Юровский. Увы, Мария Николаевна, сложилось – и это впечатление, я доложу вам, не сулит ему ничего хорошего. Есть такое слово «сотрудничество» – понимаете, что я имею в виду?

Мария. Понимаю. Но, боюсь, ничем вам помочь не смогу. У папа есть свой собственный взгляд на вещи, и если ему что-то не по сердцу – его не просто трудно, его невозможно переубедить.

Юровский. Я не прошу его переубеждать. Я прошу довести до его сведения. Ухудшение общения с караульными – это неправильное поведение.

Мария. Вы думаете, в нашем положении стоит рассуждать о том, что правильно, а что нет? Мы просто живем – и пытаемся жить по совести. Не более того.

Юровский. По совести? А когда ваша поганая семейка столетиями гнобила рабочий класс, угнетала крестьянство – это тоже было по совести? А?! А?!

Мария. Вы хотите, чтобы я ответила вам за дедов своих и прадедов? Ну что же – извольте! Я скажу. Моя семья столетиями молилась за свой народ и делала для него все, что могла. Но если эти люди, если этот народ не видит доброты, которая дается ему, не видит протянутой руки, а бьет – то дубьем, то дрекольем – по той самой руке, что намерена его спасти, ему помочь, то, может, этот народ достоин той судьбы, которая его ожидает. Посмотрите за окно, господин комендант, что вы там видите?

Юровский. Я вам не господин!

Мария. Ну хорошо – товарищ комендант. Что вы видите? Вы видите там грязь, холод, разруху и кровь. Вы считаете, что тот народ, за который вы столь, по вашим словам, радеете, достоин именно этого? Что ж тогда извольте получить!

(Юровский пристально на нее смотрит, долго молчит, потом начинает тихо смеяться)

Мария. В чем дело? Что смешного в моих словах?

Юровский. В ваших? Ничего смешного. Я смеюсь над вашей уверенностью... Над вашей строгостью... Посмотрите сами на себя, девчонка, просто девчонка... Мария Николаевна, вы понимаете, что вы в моей власти? Что я могу вот прямо сейчас одним пальцем, одним кивком головы...

Мария. Что вы можете? Что вы можете сделать? С мо-

им телом – все, что угодно, я читала в книгах... Я знаю... Но с моей душой...

Юровский. Душа... Где она у вас, душа, Мария Николаевна? (*достает наган*) Здесь? (*приставляет дуло ей к виску*) Или – здесь? (*приставляет дуло к сердцу*) Где?

Мария. Если бы можно было показать, где – какая же это была бы душа?

Юровский. Демагогия, демагогия, все демагогия! Вы истинная дочь своего отца, сплошная демагогия... Только бы заболтать народ, только бы отвлечь его от переживаний... Что вы на меня смотрите, Мария Николаевна? Вы думаете, я вас убью?

Мария. Прикажут – убьете. Вы же сами ничего не можете решить, все ждете приказа.

Юровский. Это верно. (*убрал наган*) Это вы правильно подметили – я человек не столько подневольный, сколько послушный. И если моя партия прикажет мне убить человека – я это сделаю. Я буду карающей рукой партии, и не стоит считать меня убийцей.

Мария. А вы не убийца. Вы палач. И это куда хуже. Убийца убивает по душевному порыву, а палач – по долгу службы. У палача, в отличие от убийцы, вообще нет души. **Юровский.** И снова вы о душе... Ох, затеяли мы с вами, Мария Николаевна, теологические споры – есть душа или нет ее... Я вот лично считаю, что нет в этом проку никакого: ни в душе, ни во всем остальном. Надо дело свое делать, ради все-

общего блага.

Мария. И убивать людей – если прикажут? Ну, ради блага-то?

Юровский. Если ради блага...

Мария. Тогда скажите мне, чем вы отличаетесь от нас? Только что вы говорили, что ненавидите весь мой род за то, что он столетиями убивал якобы невинных своих подданных. А если эти убийства совершались ради всеобщего блага – так в чем разница?

Юровский. Не ради всеобщего. Знаю я такую уловку, не на того напали, Мария Николаевна! Предки ваши – да что там предки, и батюшка ваш драгоценный! – все делали не за ради всеобщего блага, а за ради своей собственной выгоды, да личного богатства. Казну наполняли, гребли под себя золото-бриллианты...

Мария. Много нагребли-то?

Юровский. А то сами не знаете! Без счета. Когда вошли в ваш Зимний дворец – ох, мне революционные матросы много чего рассказали, каких только вещей они там не разыскали! И вазы, и картины, и посуда... Все, все укрывали от народа!

Мария. Да? Укрывали? А то что в музей кто угодно мог войти и посмотреть – и на картины, и на статуи, и на вазы? Про это вам ваши революционные матросы забыли рассказать?

Юровский. Так кто зайти-то мог? Буржуй! Эксплуата-

тор! Угнетатель!

Мария. Простите, там не было ценза «на эксплуататоров»... Ах, господин комендант, по-моему, благодаря вашим революционным матросам у вас в голове заквасился такой безумный хмель, что... Нет, форменным образом, уму непостижимо!

Юровский. Вы правы... И вправду, бред какой-то... Что я тут делаю – объясняю глупой девчонке, да еще и дочери царя, что такое рабочий класс и чем он живет... Да мне это лошади проще объяснить – она быстрее поймет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.